

Какъ у нея вышло это „Рынинъ“, безъ прибавки „monsieur“, она сама не могла понять.

Это ей показало, что она уже не вполне владѣетъ собой. Вдругъ какъ опять повторится сцена на платформѣ?!

Онъ вынулъ серебряный портсигаръ, спички, небрежно сказалъ:

— Вы позволите?

Послѣ того сейчасъ же закурилъ и крикнулъ гарсону:

— Un américain!

Наклонившись къ ней, онъ вслѣдъ затѣмъ спросилъ:

— А вы что же не держитесь вашей британской привычки: трогать на ночь изъ коньяку?

Она не взвѣдѣлась, какъ онъ уже облокотился на столъ, нагнувъ къ ней свое лицо близко-близко и заговорилъ съ ней совершенно по новому, еще возмутительнѣе, чѣмъ въ Петергофѣ. Она прекрасно поняла, что этакъ говорить только съ такими дамами, какъ вонъ та нѣмка или французенка.

— Вы не знаете Діанку?—спросилъ онъ.—Ту?.. Толстую?.. Она отслужила свой срокъ. И какіе наши соотечественники—шелопай. Двѣсти тысячъ такая тварь проѣла, въ пять зимъ, русскихъ рублей. Двѣсти тысячъ!—какъ разъ ваше приданое. Вѣдь такъ кажется?

Что ей было дѣлать? Разговоръ завелъ онъ нарочно по-русски, и тираду о Діанѣ выговорилъ тише, такъ, что, кромѣ нея, не могъ никто разслышать; но что же ей отвѣчать, какъ вести себя? Сейчасъ встать, крикнуть ему, что онъ—нахаль, что онъ пьянъ?!

Она бы это, быть можетъ, сдѣлала, еслибъ они были тутъ единственные русскіе: свой языкъ облегчалъ ей такое поведеніе. Но тѣ, подкутившіе русскіе съ „Діанкой“?.. Вѣдь и она, навѣрно, пойметъ энергичные русскіе возгласы.

Ударило въ ноги, отъ колѣнъ до щиколокъ, и вдругъ показалось ей, что обѣ ноги отнялись, да и языкъ также. Это возможно. Еще Лукашинъ, — положимъ, онъ идіотъ, — сказалъ ей разъ:

— Смотрите, милая барышня, не будете беречь себя, сразу такая анестезія сдѣлается, — она и ученое слово помнила, — что ни ногъ, ни языка, и такъ недѣли провалитесь... За примѣрами не бѣгать!

— Что съ вами, Зинаида Мартыновна?.. Не нравится мой тонъ?..—сказалъ онъ это уже нѣсколько по другому.

Я не знаю, — еле съумѣла она спросить: — что вамъ отъ меня угодно?..